

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Смирнова Сергея Викторовича «Русская военная эмиграция в Китае (1920-конец 1940-х гг.)», представленную на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Тема русской послереволюционной эмиграции держит внимание исследователей на протяжении трёх последних десятилетий. Как объект научного изучения она имеет широкий предметный спектр, поэтому сегодня трудно найти область гуманитарного знания, в которой нет работ, включающих данную проблематику хотя бы фрагментарно. Русская военная эмиграция в Китае также не раз становилась предметом интереса специалистов, но на сегодняшний день диссертация С.В. Смирнова является едва ли не единственной научной работой, в которой эта проблема получила глубокую концептуальную разработку. В этом (кроме прочих оснований, убедительно отмеченных автором на с.3-4) заключается её несомненная *актуальность*.

Формулировки, представляющие *объект, предмет, цель и задачи* исследования, выдержаны в соответствии с избранной автором методологией и в целом возражений не вызывают. Хронологические рамки определены адекватно объекту, предмету и цели диссертации.

С.В. Смирнов работает над историей русской эмиграции более полутора десятилетий, глубоко «погружён» в тему, поэтому диссертация стала логическим этапом систематизации и обобщения накопленного научного материала. Об этом же свидетельствует и обстоятельный, содержащий аргументированную критику, анализ литературы.

Историография структурирована на основе проблемно-хронологический подхода, включает советский и постсоветский периоды, труды зарубежных авторов. Автор основательно изучил работы специалистов по истории русской эмиграции на Дальнем Востоке, критически осмыслил сложившиеся в науке точки зрения по ключевым вопросам, связанным с проблематикой диссертации. В завершение историографического обзора автор делает вывод о достижениях и пробелах современной историографии проблемы военной эмиграции в Китае. Трудно не согласиться с его мнением по поводу слабого теоретического осмысления этой темы, случаев некритического отношения к историческим источникам. Однако утверждение, что «история русской эмиграции в Китае всё ещё находится на уровне эмпирического освоения» явно несправедливо. В современной

историографии есть целый ряд глубоких, концептуально законченных исследований (кстати, упомянутых в данной диссертации), качество которых признано научным сообществом не только в России, но и за рубежом: в США, Австралии, Японии, Китае.

В основу *методологии* Сергей Викторович ставит историко-антропологический подход, характерной чертой которого является «антропоцентризм» (с.22). Содержание диссертации подтверждает его стремление держаться этого принципа: в историческую картину, реконструируемую автором, вписаны многочисленные биографические фрагменты, показаны характеры ключевых фигур военной эмиграции. Популярная сегодня междисциплинарная методология имеет, как минимум, одну слабость – понятийный аппарат, и историко-антропологический подход в этом смысле не является исключением. Применительно к настоящей диссертации, в содержании которой велика плотность событий и огромное количество действующих лиц – значимых и не значимых, - последовательно реализовать принцип «антропоцентризма» невозможно.

С.В. Смирнов, видимо, несколько «свысока» смотрит на традиционную методологию, так как избегает упоминания о проблемно-хронологическом и системном подходах к историческому исследованию, хотя присутствие их в арсенале инструментов автора явно ощущается.

Вызывает уважение богатейшая *источниковая база* диссертации, разнообразная по происхождению и видам документов. Автором изучен внушительный массив уникальных материалов из восьми отечественных и четырёх американских архивов. Содержание диссертации, суждения и выводы подтверждают большой исследовательский опыт Сергея Викторовича. Он не верит слепо документу, подтверждение тому или иному факту ищет в различных по происхождению – «красных», «белых» и прочих - источниках. Там, где документальное подтверждение не убедительно, оставляет поле для размышлений.

В контексте избранной автором методологии исследования важную роль в реконструкции истории русской военной эмиграции в Китае сыграли источники личного происхождения, которые раскрывают «личностное измерение процесса социальной адаптации» (с.26). Объём и видовое разнообразие документов (делопроизводство, учёт и статистика, следственные материалы, личная переписка и т.д.), материалы эмигрантских печатных изданий, обширный круг вторичных источников вполне обеспечили доказательную базу и выполнение заявленных исследовательских задач.

Научная новизна диссертации убедительно обоснована автором (с.29-30) и подтверждается содержанием работы. Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии до сих пор не было исследования, в котором история военной эмиграции в Китае была бы разработана так целостно, как это сделал С.В. Смирнов: огромный пласт фактического материала, охватывающий все основные районы русского присутствия, органично вписан в контекст региональной и международной политики, «сцеплен» чёткой концептуальной линией.

Положения, выносимые на защиту, сформулированы в соответствии с задачами исследования и в целом представляют девять основных концептуальных «узлов» диссертации. Некоторое сомнение вызывает уместность термина «фрагментация» в отношении человеческого сообщества (более естественным его употребление выглядит в программировании, компьютерных технологиях, генетике и т.д.). В п.8, где раскрываются причины окончательного упадка и исчезновения русской военной эмиграции в Китае, на первый план следовало бы поставить внешний фактор: советский контроль над Маньчжурией и победу коммунистов; «*внутренние процессы*» (с.31) в этих условиях уже не играют роли.

Структура диссертации обусловлена задачами и хронологическими рамками исследования. Оставляя за автором право на собственное видение композиции, всё же заметим, что она могла быть более стройной на основе распределения материала по региональному принципу. В условиях Китая 1920-х-1940-х гг. региональная специфика была важнейшим фактором адаптации эмигрантов, в чем автор, собственно, не сомневается.

Содержание работы включает все основные сюжеты, необходимые для раскрытия темы. Текст выдержан в хорошем литературном стиле, грамматические, пунктуационные и формальные погрешности незначительны.

В *первой* главе достаточно подробно показан процесс формирования русской военной эмиграции в Китае, выделены факторы, определившие его специфику. Специальное внимание (1.3.) уделено теоретическим аспектам проблем адаптации, предложен авторский вариант социальной типологии, согласно которому (с известной долей условности), военные эмигранты делятся на 5 типов (с.101-105). Сама по себе попытка интересна, но типология должна строиться на едином принципе, автор же предлагает два – социально-психологическое состояние и отношение к советской власти. Среди пяти выделенных типов присутствуют «шкурники», которые, строго говоря, не подпадают ни под один из указанных принципов. В реальной

жизни «шкурниками» бывали и «люди войны», и «активные антибольшевики», и «пассивные антибольшевики», и «перерожденцы».

Выводы к главе в целом аргументированы и убедительны, за исключением одного момента. В п.2 говорится о трёх основных регионах расселения военных эмигрантов (как, впрочем, и всех остальных): Маньчжурия, Синьцзян и «города Северного Китая и Шанхай» (с.142). Остаётся непонятным, на каком основании в один регион объединены географически удалённые друг от друга Северный Китай и Шанхай.

Вторая глава развивает тему конфликта между основными белоэмигрантскими военными группировками, раскрывает суть противоречий между эмигрантскими лидерами. В контексте проблемы консолидации военной эмиграции автор выясняет объективные и субъективные причины, помешавшие белоэмигрантским лидерам превратить Русскую группу войск в Мукдене и Шаньдуне в ударную антибольшевистскую силу. В этой же главе показаны усилия военных лидеров по привлечению под своё покровительство эмигрантской молодёжи.

Обобщение материала второй главы представлено пятью позициями, ни одна из которых не вызывает возражений. Следует заметить, что в выводах (с.237-238) говорится о «попытках консолидации», наряду с которыми в середине – конце 1920-х гг. «наблюдался процесс дальнейшего дробления военной эмиграции на обособленные группы». Данное утверждение хорошо обосновано и сомнению не подлежит. В этой связи выбивается из логики название 2-й главы: «Консолидация военной эмиграции (середина – конец 1920-х гг.)». Более корректными здесь представляются варианты: «Попытки консолидации...» или «Проблемы консолидации...».

Аналогичным образом не вяжется с названием 1-го параграфа **третьей** главы - «Завершение процесса консолидации военной эмиграции (1929-1931)» - вывод на с.289, согласно которому «...События 1929-31 гг., несмотря на усиление объединительных тенденций в среде военной эмиграции и заметную активизацию антисоветской борьбы, показали неспособность ни одной из крупных русских военных организаций Китая как объединить вокруг себя всю антисоветскую эмиграцию, так и вести эффективную самостоятельную работу...». Автор неоднократно замечает, что даже в рамках одной крупной организации, такой как РОВС или КИАФ, не было единства, не говоря уже об остальной массе военных, многие из которых вынужденно демонстрировали свою приверженность антибольшевистской борьбе (с.372), а мероприятия по подготовке к вооружённому противостоянию советам «имели отпечаток бутафорности» (с. 373).

Представленный в третьей главе анализ объединительных процессов в различных регионах Китая приводит С.В. Смирнова к выводу, с которым трудно не согласиться: только японским властям удалось консолидировать русскую военную эмиграцию на оккупированной территории Маньчжурии (с. 361-363).

Четвёртая глава композиционно обусловлена политическим фактором: господством Японии в Маньчжурии, Северном Китае и Шанхае, окончанием Второй мировой войны и исходом русских из Китая. В целом достоверно показаны особенности существования военных эмигрантов в этих районах, их взаимоотношения в новых политических реалиях, выяснены внешние и внутренние факторы, обусловившие объединительные процессы. Крошечный по объёму параграф 4.3., посвящённый финальному этапу истории русской эмиграции в Китае, открывает перспективу продолжения исследования в этом направлении. Выводы к четвёртой главе являются логическим обобщением представленного в ней фактического материала и авторских суждений.

Характеризуя работу в целом, следует подчеркнуть её масштабность и цельность, исследовательскую компетентность автора. Сергей Викторович глубоко и всесторонне знает проблематику представленной темы, жёстко следует логике причинно-следственных связей, обеспечивая достоверность суждений и выводов. Показывая роль личности в истории, он избегает как демонизации, так и романтизации знаковых фигур Гражданской войны, оказавшихся в эмиграции.

Вместе с тем, как любая большая и оригинальная работа, диссертация С.В. Смирнова содержит ряд дискуссионных моментов и погрешностей, которые представлены в следующих замечаниях:

1. В качестве одного из наиболее значимых для автора научных направлений в контексте антропоцентризма названа «новая социальная история». Означает ли это, что существует «старая» социальная история, в которой отсутствует интерес к субъекту исторического процесса?
2. Что заставило автора настойчиво употреблять термин «консолидация» и даже заявить в названии 3.1. о завершении этого процесса, тогда как его собственные, аргументированные выводы показывают, что, в силу объективных и субъективных причин, объединение военных эмигрантов происходило лишь на уровне отдельных группировок, в коротких временных рамках, да и то было весьма неустойчивым?

3. На каком основании, называя регионы расселения военных эмигрантов (как, впрочем, и гражданских беженцев), автор объединяет достаточно далеко расположенные друг от друга Северный Китай и Шанхай?
4. Социальная психология знает различные подходы к типологии личности, в основу которых положены: степень развития человека и его приспособленность к среде (*А.Ф. Лазурский*), ценностные ориентации (*Э. Шпрангер*), социальные ориентации (*Э. Фромм*) и др. Считает ли автор, что они не применимы к предмету его исследования? (Иначе чем объяснить появление его собственной типологии?)
5. Выделяя типы военных эмигрантов, автор не придерживается *единого* принципа типологизации. В этой связи хочется задать ему вопрос: К какому типу он отнесёт, например, *Я.Я. Смирнова*, бывшего офицера Генштаба Российской императорской армии, члена РОВС, служащего 2-го отдела ЯВМ, командира русского воинского отряда Армии Маньчжоу-диго, завербованного советской разведкой летом 1942 г., получавшего денежное довольствие и от японцев, и от советских кураторов?
6. Среди типов военных эмигрантов наименее значительными по численности автор называет «перерожденцев» и «шкурников». На каком основании сделан этот вывод? «Оборонцы» - это «перерожденцы»? В таком случае, к середине 1940-х гг. их было большинство.
7. На стр. 155 (ссылка 652) генерал *Л.Ф. Власьевский* упоминается как советский разведчик. Если допустить, что это не ошибка, как Сергей Викторович может объяснить факт столь успешной карьеры генерала при японцах? Как известно, Власьевский был последним начальником ГБРЭМ, а после войны казнён по приговору советского суда.
8. В работе присутствует ряд мелких погрешностей, связанных с названиями и датами:
  - 1 марта 1934 г. созданное японцами государство Маньчжоу-го было провозглашено «империей» и стало называться «Маньчжоу-диго» (В тексте название дано без изменения).
  - В 1937 г. РФП уже называлась «РФС» (с.317).
  - Полковник В.С. Семёнов был расстрелян японцами в 1936 году, поэтому не мог быть завербован в 1940 г. (с.420).

Поставленные выше вопросы и высказанные замечания большей частью связаны с междисциплинарным характером методологии исследования, сопряжённым с проблемами понятийного аппарата. Несмотря на присутствие отдельных дискуссионных моментов, авторская концепция истории русской военной эмиграции в Китае в целом выглядит убедительно, а заключение позволяет судить об успешном решении исследовательских задач. Автореферат соответствует содержанию диссертации. Работа прошла внушительную апробацию; по теме диссертации опубликовано три монографии, семнадцать статей в рецензируемых изданиях Перечня ВАК. Теоретическая и практическая значимость диссертации очевидна.

Заключение

Диссертационная работа «Русская военная эмиграция в Китае (1920-конец 1940-х гг.)» является оригинальным, законченным научным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне, вносит крупный вклад в развитие историографии истории российской эмиграции в Китае, соответствует требованиям п.9 «Положения о присуждении учёных степеней», утверждённого Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года №842 (ред. от 01.10.2018 г.), а её автор – **Смирнов Сергей Викторович заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – «Отечественная история».**

Официальный оппонент, профессор кафедры истории Отечества, органов безопасности и зарубежных пограничных органов Хабаровского пограничного института ФСБ России, доктор исторических наук, профессор

Аурилене Елена Евлампиевна

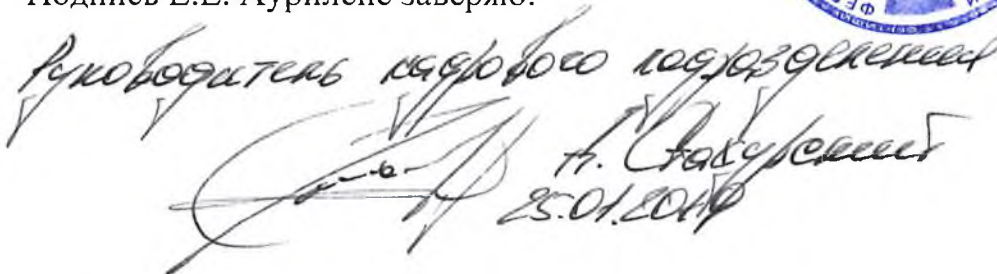
Адрес организации: ФГКОУВО «Хабаровский пограничный институт Федеральной службы безопасности Российской Федерации»
680017, г. Хабаровск, ул. Большая, 85.

Тел.: (4212) 21- 31- 44;

электронная почта: elena_aurilene@mail.ru

Подпись Е.Е. Аурилене заверяю:

Руководитель Хабаровского пограничного института

 25.01.2019